

А
<Н. Н. Страхов>

Примѣръ апатіи

(Письмо въ редакцію "Времени" по поводу статьи Г. Антоновича "О Почвѣ". Современникъ 1861, декабрь.)

"Время", No 1, 1862

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1862/Jan/primer.htm>

Мы сердцемъ -- хладные скопцы.

Пушкинъ.

Читали ли вы, милостивый государь, статью г. Писарева -- *Схоластика XIX вѣка* въ IX книжкѣ "Русскаго Слова?" Если не читали, то прочтите непременно. Г. Писарева слѣдуетъ читать; г. Писаревъ по моему мнѣнію есть самое новое, самое выразительное проявленіе нашей современной литературы; въ немъ обнаруживаются глубочайшія ея тайны. Со всею искренностью говорю вамъ, что я ставлю названную мною статью выше многихъ другихъ, болѣе знаменитыхъ; не буду сокрываться, скажу прямо и смѣло, что я ставлю ее выше даже *Полемическихъ красотъ* г. Чернышевскаго. Какъ это уже всѣмъ извѣстно, г. Чернышевскій и г. Писаревъ не расходятся въ своихъ существенныхъ взглядахъ; но между ними существуетъ значительное различіе, и трудно не видѣть, что въ этомъ различіи многое говоритъ в пользу г. Писарева. Мимоходомъ укажу вамъ нѣкоторыя черты разницы, замѣченной мною между этими писателями. Г. Чернышевскій -- догматикъ, твердо держащійся извѣстныхъ идей; г. Писаревъ -- критикъ и скептикъ, все подвергающій сомнѣнію и анализу. Г. Чернышевскій -- аргументаторъ, желающій убѣждать читателей строгими логическими выводами; г. Писаревъ -- свистунъ, избравшій своимъ главнымъ оружіемъ -- брань и насмѣшку. Г. Чернышевскій полагаетъ, что онъ строитель; г. Писаревъ прямо говоритъ, что онъ разрушитель. Г. Чернышевскій смѣлъ и откровененъ, г. Писаревъ еще смѣлѣе и откровеннѣе; г. Чернышевскій есть основаніе и начало, г. Писаревъ -- выводъ и конецъ.

Вы видите слѣдовательно, что тотъ былъ бы непослѣдователенъ, кто, признавая г. Чернышевскаго за живое явленіе современной нашей жизни, не призналъ бы г. Писарева за прогрессъ, за явленіе еще болѣе живое. И потому признаюсь вамъ, для меня было бы очень лестно, я истинно гордился бы, еслибы за мною неоспоримо была признана заслуга, что я первый понялъ всю многозначительность этого явленія, что я въ нѣкоторомъ родѣ *открылъ* г. Писарева. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей г. Писаревъ выражаетъ опасеніе, что его сужденія могутъ быть приняты за *нелѣпыя выходки*, за *лай на луну*; мнѣ очень было бы прискорбно, еслибы подобныя опасенія по какимъ-нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ укоренились въ немъ и помѣшали бы развитію его дѣятельности.

Мнѣ кажется изъ всего этого видно, какую искреннюю любовь питаю я къ россійской словесности. Не прикидываюсь я, не притворюсь, не лицемерю, когда говорю объ этой любви. Прилежно, ревностно читаю я статьи г. Писарева и стараюсь открыть ихъ смыслъ и извлечь изъ нихъ поученіе.

Статья о *схоластикѣ*, которую я упомянулъ, стоитъ полнаго вниманія именно потому, что въ ней г. Писаревъ старается доказать такъ-сказать свою *законность*, старается убѣдить читателей, что онъ есть дѣйствительно живое и современное явленіе. Долгое время я искалъ въ этой статьѣ какой-нибудь точки опоры, чего-нибудь твердаго, на чемъ бы строились всѣ ея мысли, и долгое время не находилъ и недоумѣвалъ. "Мы идемъ впередъ", говоритъ г. Писаревъ; но почему онъ считаетъ переднею именно ту сторону, въ которую идетъ, -- этого никакъ не было видно; а что, какъ онъ свернулъ въ сторону, или поворотилъ даже прямо назадъ? "Мы отвергаемъ все старое", пишетъ г. Писаревъ; но онъ не даетъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы убѣдиться, что его старое дѣйствительно старо и новое дѣйствительно ново; а что, какъ его новинка давно уже устарѣла? "Мы бьемъ направо и налево", провозглашаетъ г. Писаревъ; но я ничѣмъ не могъ удостовѣриться, что это геройство сопровождается разрушеніемъ того, что бьетъ г. Писаревъ; а что, думалъ я, можетъ-быть онъ только обобьетъ себѣ руки?